

УДК: 340.1

DOI: 10.17748/2075-9908.2015.7.5/1.269-273

ПЕРЦЕВ Алексей Сергеевич,
аспирантская школа по философским наукам

PERTSEV Aleksey Sergeevich,
Postgraduate School of Philosophical Sciences

ЭВОЛЮЦИЯ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ: ПЕРЕХОД ОТ «КОНСТРУКЦИИ» К «ДЕСКРИПЦИИ»

EVOLUTION OF TRANSCENDENTAL PHILOSOPHY IN PHENOMENOLOGY: TRANSITION FROM «CONSTRUCTION» TO «DESCRIPTION»

На рубеже XIX–XX вв. два наиболее значительных направления трансцендентальной философии – неокантианство и феноменология – сформулировали внешне близкие друг другу проекты философии, основывавшиеся на диаметрально противоположных основаниях. Если неокантианство искало область компетенции философии в построении универсальной системы знания, условно называемой теорией познания, то феноменология пошла дальше: она сформировала новый язык и новый предметный универсум, в рамках которого любое секулярное научное знание получало свое новое место и значение. Новый язык, предлагаемый Гуссерлем в «Идеях» и «Картезианских размышлениях», содержит термины и категории, не имеющие аналогов в неокантианстве и любой иной современной ему философии («интенциональность», «ноэма», «ноэзис», др.). Понятия «реальности», «вещи» и «смысла» в феноменологии приобретают радикально новое значение, отличное от неокантианского. Однако обе философские системы объединяет стремление сохранить философию как автономное и универсальное знание, покоящееся на трансцендентальных основаниях. Осуществлялось же данное намерение посредством различных установок: конструктивистской в неокантианстве и дескриптивной в феноменологии, суть которых мы рассмотрим в данной статье.

At the turn of the XIX – XX centuries, two most significant branches of transcendental philosophy, neo-kantianism and phenomenology, formulated the outwardly similar projects of philosophy based on polar approaches. Neo-kantianism was seeking a field of philosophy competence in constructing a universal system of knowledge known as a theory of cognition, but phenomenology moved on further to the formation of a new language and a new subject universum in which any secular scientific knowledge got its new place and meaning. The new language, proposed by Husserl in «Ideas» and «Cartesian Meditations», includes notions and categories unknown in the early XX century philosophy, such as «intentionality», «noema», «noeses», etc. The notions of «reality», «object», «sense» acquired a radically new meaning different from the meaning in neo-kantianism. Nevertheless, both philosophical systems are united with the common intention to keep philosophy as an autonomous and universal knowledge based on transcendental foundations. This intention was put into practice through different approaches: constructive methods in neo-kantianism and descriptive ones in phenomenology, the essence of which is considered in the article.

Ключевые слова: неокантианство, Гуссерль, феноменология, марбургская школа, Наторп, Коген, Кант.

Key words: Neo-kantianism, Husserl, phenomenology, Marburg school, Natorp, Cohen, Kant.

I

Рубеж XIX–XX вв. – сложный и интересный период мировой истории, в котором все сферы человеческого знания продемонстрировали стремительный экстенсивный и интенсивный рост. Научное знание все более специфицировалось, становилось профессиональным и, в конечном счете, не оставляло философии в классическом понимании такого предмета, на который не претендовало бы само. Одновременно происходило его «качественное» изменение: знание вырвалось за границы единой и универсальной теории (каковыми были, например, система Птолемея, геометрия Евклида или механика Ньютона), и две одинаково обоснованные научные системы вполне могли противоречить друг другу. Наука по-прежнему стремилась создать единую непротиворечивую теорию, но данная цель становится для нее примерно тем же, чем являлась регулятивная идея разума для неокантианцев – вещь желаемая, направляющая наши действия, но актуально недостижимая. Закономерным результатом транзитивного периода стало появление философских проектов, предлагающих философии «приспособиться» к новой реальности или предложить ей новую область компетенции. В рамках данной статьи нам бы хотелось остановиться на выводах философии Э. Гуссерля в отношении к предшествующему ему проекту марбургской школы неокантианства.

II

Неокантианство формируется в 60-е гг. XIX в. как реакционное философское течение, критически относящееся к тому способу философствования, который сложился в посткантовскую эпоху. Программой в этом смысле стала работа О. Либмана «Кант и эпигоны», в которой автор подверг критике состояние современной ему философии и выдвинул популярный впоследствии лозунг «Назад к Канту». А. Пома следующим образом определил выводы книги: «Необходимость "возвращения к Канту" родилась не из убеждения, что Кант был забыт, но, в некотором смысле, как раз из обнаружения, противоположенного тому: непрекращающееся обращение к кантовской философии привело к искажению подлинной кантовской мысли со сторо-

ны его эпигонов, выявляющих все менее ценные аспекты кантовской мысли (вещь в себе), все чаще оставляя в тени истинный и важный вклад (трансцендентальное)» [6, с. 24].

Первоначально неокантианцы, признавая правильными мысли Канта, стремились защитить их от неоправданной критики, однако вскоре перед ними возникла задача не только защитить положения кантовской философии, но и адаптировать их к условиям нового времени, а это стремление в конечном итоге привело философов к необходимости критики кантовских «Критик», значительная часть которой сводилась к удалению из кантовской философии любого рода данностей ради установления более гибкой познавательной системы, адаптированной для неклассических научных теорий. Научное познание, согласно неокантианцам Марбурга, исходит из относительного характера своих положений и их бесконечного развития как признания неограниченных возможностей мышления. Материалом научного познания становится опыт как результат такой соотнесенности законов мышления, которое предполагает бесконечное количество его модификаций. Предмет для неокантианцев – это конструкция, результат сложного синтеза, который, начиная с Г. Когена, признается единственно возможной формулой отношения мышления к реальности. Указание К. Кёнке на то, что базисным принципом всех предшественников марбургского неокантианства является понимание конструируемости объектов посредством априорной субъективности, можно рассматривать в качестве фундаментального определения марбургского «поворота» в философии [9, с. 181].

По своей сути Г. Коген и его ученик П. Наторп представляют единую эпистемологическую модель, в которой мы имеем две неизменные переменные: первоначальную активность мышления и предмет, к которому эта активность относится, то есть фактичность опытного поля. Соответственно, мы сталкиваемся со взаимосвязанными областями конечного единства и бесконечной дискретности. Эти требования являются результатом априорно-синтетического характера нашей познавательной схемы. В понятиях этой схемы мы имеем дело с двумя степенями мышления: законодательствующей и организуемой. Первая, нижняя ступень мышления – созерцание, оно является трансцендентальным условием синтеза, первичной (естественной) организацией, средой применимости законодательствующего разума, воспринимаемой через различие. Материя познания, дающая субъекту сумму восприятий, актуализируется в представлении, которое Наторп называет «временно-пространственной соединимостью ощущений» [5, с. 68]. Пространство и время, как априорные формы чувственности у Канта, интерпретируются как функции мышления (представления), выполняющие синтетическую функцию связывания ощущений. Данное в представлении многообразие по своему определению предполагает определенного рода синтез, распадающийся на ступени количественной (единичность, множественность и общность) и качественной (тождество, различие, родо-видовое определение) дифференциации. Таким образом, мы приходим ко второй ступени – требованию (регулятивного) синтетического единства как претензии абсолютного мышления на автономию в своей сфере. Движение нашего мышления идет от единства к дискретности, равно как и от дискретности к единству, и свое основание оно находит в области последней редукции, в которой удовлетворяются оба требования разума. Разными гранями эта область проявляется через трансцендентальное единство самосознания, трансцендентальное «Я» Канта, «Ursprung» Когена или «Ego» Гуссерля. Балансирование системы между требованием дискретности и синтеза открывает ее главную характеристику: бесконечное осуществление. Таким образом, внешне неокантианство проявляется как познание, которое есть синтетическое единство, движение от Первоначала («Ursprung»), но и только – движение («Erkenntnis ist synthetische Einheit, ist Entwicklung aus dem Ursprung. Aber eben Entwicklung») [8, с. 45].

III

Принципиальная идея Гуссерля состоит в том, что мы не можем брать мир, как он видится нам в естественной установке, в основу своих философских построений. В естественной установке мы рассматриваем мир не критично и наивно, то есть как мир, существующий трансцендентно нашему сознанию (вне нашего сознания), в котором «реальное» мы полагаем как «пространственно-временное здесь – сущее» [1, с. 31]. Мир естественной установки включает все объекты чувственно данного мира, все, что мы воспринимаем с помощью зрения, слуха, осязания. Естественная установка описывает мир, в котором мы живем, как «мир в обычном смысле этого слова, [который] беспрестанно здесь для меня, пока я только жив» [1, с. 93]. «Все науки о мире, т. е. науки с естественной установкой – это естественные науки, науки о материальной природе, но также и науки о живых существах с их психофизической природой, т. е. в том числе и физиология, психология и т. д.» [1, с. 30]. Объекты естественного мира принадле-

жат нам по привычке, в них нет значимости, так как в них нет реальных значений, а искать эти значимости необходимо в иной, феноменологической, установке.

Гуссерль предлагает провести феноменологическую редукцию как критический инструмент выявления сущности сознания и мышления. Редукция ведет нас к тому, чтобы весь «псевдонаучный» мир, на который опирались неокантианцы в рамках естественной установки, больше не имел для нас ценности. Гуссерль пишет: «Весь мир – полагаемый в естественной установке, действительно обретаемый в опыте, взятый совершенно «без всякой теории», а таков и есть мир, действительно постигаемый в опыте, подтверждаемый во взаимосвязи опыта, – этот мир теперь для нас вообще ничто, мы будем вводить его в скобки» [1, с. 101]. Весь мир, представлявшийся нам в простых актах сознания, дававших нам эмпирические единства, все синтетические упорядочивания, подчиняющиеся логике опыта, – ничто из этого больше не играет роли. Все, что мы познаем посредством наших чувств и все привычные представления о мире должны быть отброшены в сторону, мы воздерживаемся от суждений о нем, совершая «эпохэ». Эпохэ разворачивается через систему редукции, при этом редукция – это не акт сознания, а система осуществления эпохэ в отношении целого класса предметов. Мы можем редуцировать значимость логики, Бога и всех явлений мира, оказываясь в системе не актуализированных смыслов, отделенных от их природного воплощения. Оказались ли мы при этом в пустом мире, радикальном картезианском *ego*? Нет, мы не можем редуцировать *cogito* в трансцендентальной феноменологии, так как сознание – вещь неуничтожимая, мир коррелятивен познающему его сознанию, он всегда будет восприниматься определенным сознанием и всегда будет по отношению к определенному сознанию. Производимая редукция – это сведение к чему-то незыблемому, неизменному единственно важному и даже, более того, в ходе проведенной редукции ставшему явным и очевидным. Как и неокантианцы, под этим неразложимым «не-что» и изначальной точкой описания действительности Гуссерль признает принцип абсолютной субъективности. Философ указывает: «Чистое "Я" живет в особом смысле во всяком актуальном *cogito*, однако и все переживания заднего плана принадлежат ему, а оно – им, и все они, принадлежа к одному и тому же – моему – потоку переживания, обязаны превращаться в актуальные *cogitationes* или же имманентно включаться в таковые; говоря языком Канта (не станем решать, в его ли смысле): "Я мыслю" должно быть таким, чтобы оно могло сопровождать все мои представления» [1, с. 178]. При проведении феноменологической редукции чистое «Я» (*ego*) открывает свое отношение к миру посредством категории реального «переживания» сознания (психологического восприятия предмета) и «интенциональности» (направленности мышления на предмет). В переписке с А. Марти Гуссерль раскрывает сущность предмета нового рода: «Интенциональный объект — необходимый реальный [*geel*] конституирующий элемент акта представления» [2, с. 42]. Соответственно, переживание, имеющее дело только с психологически индивидуальным содержанием акта сознания (*cogito*), Гуссерль стал называть *ноэзисом*. Переживание, относящееся к *cogitatum*, следовательно, имеющее *предмет* переживания и выражающееся посредством интенциональных актов сознания, Гуссерль называет *ноэмой*. Смысл – это интенциональная характеристика психического акта, которая не является психическим актом, поэтому он возможен только на уровне *ноэмы*, абстрагирующей от психологического субстрата в мышлении. Объективность смысла связана с тем, что в поток психических переживаний включаются сущностные, идеальные, структурные элементы, имеющие интенциональный характер. Так, например, два предмета делает красным объективный род красного. Красный цвет – это некоторая данность сознания, а не вторичное качество, она объективна и не является продуктом абстракции. При этом схватывание смысла не связано с конкретными представлениями: я могу слушать разговор о теореме Пифагора, а в голове держать цветочные пятна, но не терять нити рассуждения. Предмет, вместе с его способом данности, находит свое определение в структуре *ноэмы*, но эта структура у всех нас заполнена по-разному: мы существуем в мире разного смыслового сопряжения, что, в свою очередь, относит нас к *ноэзе*, то есть индивидуальному материалу переживания сознания, трансцендентному по отношению к предмету.

Кратко обрисованной структуры сознания в феноменологии Гуссерля достаточно для того, чтобы увидеть ее основное различие с неокантианством: они одинаково декларируют сферу познания в качестве бесконечной и устанавливают «Я» в качестве исходной точки новой реальности, однако их принципиальная разница состоит в том, что неокантианство представляет реальность как конструкцию, а феноменология – как дескрипцию. Неокантианство рассматривает реальность в контексте содержания сознания субъекта, феномен – это всегда результат синтетической деятельности рассудка безотносительно его внутренней, самостийной природы,

которая лишается ценностного фактора, так как ценность в неокантианстве прочно связана с «эпистеме» (Зайферт называет это ошибкой неверного истолкования природы феномена («Misconstructual»)) [10, с. 83]. Проект Гуссерля более радикален, так как претендует на открытие совершенно нового языка и новой предметности, сложно сопоставимых с «наивными» суждениями о «реальности» и «предметности» в рамках естественной установки. Говоря языком Канта и неокантианцев, в феноменологии Гуссерля нет прямой связанности феномена (предмета) и вещи в себе («реального» предмета). Предмет в феноменологии – это результат направленности нашего сознания, при этом он не является частью акта сознания и не содержится в нем самом. Мы можем иметь сколько угодно восприятий $x_1, x_2, x_3, \dots, x_n$, но ни в своей совокупности, ни по отдельности интенционально «схваченный» предмет X не тождественен им.

IV

Феноменологический проект философии, безусловно, принадлежит семье трансцендентального обоснования, в какой-то степени он был признан заполнить возникшую лакуну в теории познания неокантианцев, ведущую, с точки зрения Гуссерля, трансцендентальную философию к слабому релятивизму. В труде «Философия как строгая наука» Гуссерль, подразумевая неокантианство, пишет: «Следовать же естественнонаучному образцу – значит почти неизбежно натурализовать сознание» [3, с. 699]. Для Гуссерля область занятий неокантианцев – это мир естественной установки, мир созерцания, от которого феноменология отошла в ходе феноменологической редукции. Работая в мире естественной установки, философия не может удержать своего предмета и ведет к тому, что «перед лицом философской нищеты, мы напрасно тратим силы, занимаясь тем, что изящно именуется "естественнонаучно фундированным мирозерцанием"» [1, с. 155]. Однако существует альтернативная оценка К. Поппера, согласно которому Кант уже «отверг ... реальность такого рода, которую мы приписываем физическим вещам и процессам» [7, с. 48]. Согласно Когену, неокантианство не психологично, так как работает не с субъективным содержанием акта сознания, но только с формами мышления [4, с. 311]. Согласно концепции Наторпа, можно заключить, что неокантианство не психологично, так как мышление – это не созерцание, а функциональное соотнесение понятий рассудка. Подобные обвинения неокантианства со стороны феноменологии вызваны, с нашей точки зрения, тем, что Гуссерль идет дальше неокантианцев и пересматривает сами основы трансцендентализма, создавая новую критическую философию, в которой редукция – это расширение неокантианского критицизма, новая терминология – критика неокантианского языка, интенциональность – критика данностей предмета (в созерцании) и т.д. В какой-то степени классическое марбургское неокантианство рубежа XIX – XX вв. могло восприниматься феноменологией в качестве трансцендентальной системы более низкого порядка. Тем не менее, общий для этих направлений тренд развития посткантовской трансцендентальной аргументации сильнее всех структурных разногласий. Соглашаясь с К. Вухтерлем, мы полагаем, что феноменология Гуссерля – это не столько противоположный, сколько преемственный этап развития трансцендентальной аргументации, в котором центральные идеи неокантианства той эпохи явились в новом терминологическом одеянии [11, с. 110-111].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. – М.: Академический проект, 2009. – 489 с.
2. Гуссерль Э. Избранная философская переписка. Т. 1. – М.: Философия – Герменевтика, 2004. – 310 с.
3. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – (Классическая философская мысль). – с. 752.
4. Коген Г. Теория опыта Канта. – М.: Академический проект, 2012. – 618 с.
5. Наторп П. Философская пропедевтика // Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2006. – 384 с. – С. 55-118.
6. Пома А. Критическая философия Германа Когена. – М.: Академический проект, 2012. – 319 с.
7. Поппер К. Иммануил Кант – философ Просвещения // Все люди – философы. – М.: ЛКИ, 2009. – 104 с.
8. Holzhey H.: Cohen und Natorp, Bd. 2: Der Marburger Neukantianismus in Quellen. – Basel/Stuttgart : Schwabe & Co, 1986/ P. 41 – 79 (P. 536).
9. Köhnke K.K. The rise of neo-Kantianism: German academic philosophy between idealism and positivism. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
10. Seifert J. Back to "Things in Themselves". NY and London: ROUTLEDGE & KEGAN PAUL. 1987. P. 426.

11. *Wuchterl K.* Bausteine zu einer Geschichte der Philosophie des 20. Jahrhunderts. Bern / Stuttgart / Wien: Haupt, 1995. P. 96-111.

REFERENCES

1. *Husserl E.* Ideas for a pure phenomenology and to a phenomenological philosophy. [Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi redukcii]. Moskva: Akademicheskii proekt, 2009. 489 p.
2. *Husserl E.* The Chosen philosophical correspondence [Izbrannaya filosofskaya perepiska]. T. 1. Moskva. *Filosofiya – Hermenevtika*, 2004. 310 p.
3. *Husserl E.* Philosophy as a rigorous science. [Filosofiya kak strogaya nauka]. Mn.: Harvest, Moskva: ACT, 2000. (Klassicheskaya filosofskaya mysl). 752p.
4. *Cohen G.* Theory of experience Kant. [Teoriya opyta Kanta]. Moskva: Akademicheskii proekt, 2012. 618 p.
5. *Natorp P.* Philosophical propaedeutics. Selected works [Filosofskaya propedevtika. Izbrannye raboty]. Moskva.: *Territoriya buduschego*, 2006. 384 p. p. 55 - 118.
6. *Poma A.* The critical philosophy of Hermann Cohen [Kriticheskaya filosofiya Germana Cohena]. Moskva: *Akademicheskii proekt*, 2012. 319p.
7. *Popper K.* Immanuel Kant is a philosopher of Education // All men are philosophers. [Immanuel Kant – filosof Prosvetsheniya. Vse lyudi – filosofy]. Moskva.: *LKI*, 2009. 104 p
8. *Holzhey H.*: Cohen und Natorp, Bd. 2: *Der Marburger Neukantianismus in Quellen.* – Basel/Stuttgart : Schwabe & Co, 1986, S. 41-79 (S. 536).
9. *Köhnke K.K.* The rise of neo-Kantianism: German academic philosophy between idealism and positivism. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
10. *Seifert J.* Back to "Things in Themselves". NY and London: ROUTLEDGE & KEGAN PAUL, 1987, P. 426.
11. *Wuchterl K.* Bausteine zu einer Geschichte der Philosophie des 20. Jahrhunderts. Bern / Stuttgart / Wien: Haupt, 1995. S. 96-111.

Информация об авторе

Перцев Алексей Сергеевич, аспирантская
школа по философским наукам,
НИУ-ВШЭ,
Липецк, Россия
79151879053@ya.ru

Получена: 27.05.2015

Information about the author

Pertsev Aleksey Sergeevich, Postgraduate School
of Philosophical Sciences, National Research
University – Higher School of Economics,
Lipetsk, Russia
79151879053@ya.ru

Received: 27.05.2015